

Алёна ЛЕБЕДЕВА
лаборантка Херсонского национального
технического университета

ПРЕДЕЛЬНАЯ ОПРЕДЕЛЁННОСТЬ

*Как превратить в одну черту
Двуличие и прямоту.*

И. В. ГЁТЕ, «Фауст»

Определяющая черта «contemporary art» — определённость. Ограниченность. Однозначность. Ситуативность — качество, порождённое тем, что зритель, художник рассматривают не вопрос языка, а вопрос ситуации: это вовремя? Это действительно должно быть здесь? «Центральное значение языка стало, вследствие искажения направленности внимания, фантомом» [1, с. 117]. Бытие современного искусства проходит под эгидой «трёх О» (сегодня «ООО» — это «общество с ограниченной ответственностью»). Поскольку перечисленные качества можно отнести к синтетическим, они не создаются из ничто, а *образуются* в хаосе образованности — из нечто, «никогда не получающего формы, а стремящегося в чрезвычайной интенсивности выйти из пустоты, к которой постоянно возвращаются» [1, с. 116]. Массовая образованность приводит к тому, что знание перестаёт существовать как акт, оставляя за собой пребывание-выражение — выбывание, вырождение вместо продуктивного в нём. Негативное движение, которое не создаёт пространство, а сворачивает его. Сфера этой образованности (которая не имеет общего с образованием) замыкается на репродуцировании интереса как раздражителя. Когда раздражитель больше не действует, его забывают в пользу следующего. Способность *определить* в сплошности событий то, что может удивить, пренебрегая «гигиеной мышления», становится синонимом *интеллигенции*. Уже «народилась новая, железная интеллигенция. Она и мебель может грузить, и дрова колоть, и рентгеном заниматься» [2, с. 480]. Определённость здесь — качественная ограниченность, внутри которой нивелированы свойства, и граница участка установлена условно так, чтобы отсутствовали любые условия для её преодоления, снятия. Как в анекдоте: «А какая разница? Вы нас видите через решётку, мы вас видим через решётку».

Контекстуальная данность — дань времени, подать, взимаемая со зрителя, фиксированная сумма воображения, лишённого проду-

цирующей способности. Воображение становится продуктом, способом внедрения (внедряют только «общественные реформы» и зонд в желудок, а, как писал Мандельштам, «извлечение пирамид из глубины собственного духа, — занятие неудобоваримое, необщественное» [3, с. 333]. Работа, а не операция. «Contemporary art» вынуждает нас сочувствовать коликам от хронической «язвы психологического эксперимента») в искусстве фиксированных, застывших «образов преобразений», что, по определению, невозможно. Но факт. Тотальная власть факта — «вторжение документальности» — это не ответ современным реалиям или социокультурной среде, это метод уплотнения искусства, установления одномерности, как единственно возможного измерения. Это межа для взгляда, набрасываясь на которую, он теряет зрение.

Предельная определённости современного искусства — это крайнее определение (визначеність), за которым ничего нет. Или кажется, что ничего. Мерещится. Это ставшая форма, которая не развивается. Но говорить окончательно об остановке можно только предполагая бесконечное движение. Это полагание ставит один главный вопрос: «Искусство, что ты чувствуешь, находясь без нас?» (М. Кузмин).

Лакуны в просторах (простоях) современного искусства, где застывший образ это выражение заторможенной свободы (Ф. В. Й. Шеллинг), как «остановленный свет ближних и дальних звёзд», являют собой крайнее (когда край — это момент перехода, остающийся в нерешительности, непреходящее пограничное состояние) отстояние от реальности. Междумирье действительности и реальности — положенная граница между. А граница определяется пространствами, которые её окружают.

Со-бытие зрителя и художника возникает здесь, на линии раздела. И скорее, как со-существование. Непересекающиеся прямые в одной плоскости — одномерной. Пространство, замкнутое в себе и для себя. Из-лишнее и случайное. Потому ни к чему не обязывает, даже к незамутнённому взгляду. Оно безразлично. Оно живёт без-на-лично.

Всякое определение предполагает нечто абсолютно неопределённое. Как и последнее для своего существования предполагает предел. Полагание пределов в неопределённое, делает возможным его реальность. Как и неопределённое делает предел действительным.

Предельная определённости современного искусства — в его однозначности, означенности одной мерой, как клеймом. За-пре-

дельность, которая суть репродукция ставших форм движения материи.

1. *Бодрийяр Ж., Ясперс К.* Призрак толпы [Текст] / Ж. Бодрийяр, К. Ясперс. — М. : Алгоритм, 2014. — 304 с.

2. *Булгаков М. А.* Избр. произв. [Текст] / М. Булгаков / Сост., предисл., коммент В. И. Лосева — К. : Дніпро, 1990. — 702 с.

3. *Мандельштам О. Э.* Соч.: в 4 т. [Текст] / О. Э. Мандельштам. — М. : ТЕРРА, 1991. — Т. 2. — 730 с.

4. *Шеллинг Ф. В. Й.* Соч. : в 2 т. [Текст] / Ф. В. Й. Шеллинг / Пер. с нем., сост., ред. А. В. Гулыга. — М. : Мысль, 1987. — Т. 1. — 640 с.